

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Энтони Дорра:

Весь невидимый нам свет

Собиратель ракушек

Энтони
Дорр

СОБИРАТЕЛЬ РАКУШЕК

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 69

Anthony Doerr
THE SHELL COLLECTOR
Copyright © 2002 by Anthony Doerr
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Ильи Кучмы

© Е. Петрова, перевод, примечания,
2015

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10003-9

«Собиратель ракушек» — захватывающее чтение... Убийственно прекрасное. Редко встречаешь писателя, который поможет тебе увидеть мир по-новому. А Дорр делает это на каждой странице!

The Boston Globe

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетаются зоркость натуралиста и поэтическая образность.

The New York Times Book Review

Энтони Дорр — талантливый и бесстрашный писатель нового поколения. Он смело поднимает самые важные вопросы человеческого бытия, приключения его героев обретают эпический размах. «Собиратель ракушек» производит неизгладимое впечатление: включенные в эту книгу новеллы — по сути, краткие легенды.

Элизабет Гилберт (автор «Есть, молиться, любить»)

То, что вытворяет в малой форме Энтони Дорр, не удавалось еще почти никому. Никто еще, можно сказать, на такое не отваживался. Дорр установил новый стандарт того, на что способна сама форма рассказа.

Дейв Эггерс

Потрясающе. Восемь необыкновенно тонких, прочных и воздушных — на зависть любому писателю — образцов малой прозы... Всезнающий и всевидящий — как Д. Г. Лоуренс, Толстой, Пинчон, Делилло, Ричард Пауэрс, — Дорр безошибочно подмечает и узор на крыльях бабочки, и мельчайшие частицы материи во Вселенной...

The Philadelphia Inquirer

Необыкновенный дебютный сборник, в полной мере демонстрирующий всю безбрежность мира природы и ничтожность человеческого существа.

Guardian

Ошеломляющий дебют, настолько близкий к идеалу, насколько может пожелать любой писатель.

LA Times

Своим дебютным сборником 28-летний Энтони Дорр... оживляет литературную сцену штрихами фантазии в духе Борхеса. В центре его рассказов оказываются молчаливые, глубоко чувствующие охотники и рыбаки — люди, не искушенные в красноречии и тонкостях супружества, чьи чувства раскрываются только в лесу. Они знают, где находится медвежья берлога, как зимует форель, и чутко улавливают малейшие изменения речного потока. У Дорра дикая природа не лишена магии. На побережье Кении слепой собиратель ракушек находит чудодейственное средство от лихорадки — ядовитого моллюска. Туристы вытаскивают на берег такого огромного карпа, который не помещается в объектив фотокамеры. Одна из героинь обнаруживает у себя способность прикосновением читать сны животных. «Хочешь знать, что ему снится? — спрашивает она мужа, кладя руку на шкуру медведя гризли. — Ежевика. Форель. Снится, как он чешет бока о речную гальку». В этих историях отражается и чудо, и ледяное равнодушие природы. Дорр — великолепный рассказчик.

Outside

Многоплановые, звучные, выписанные с филигранной точностью рассказы буквально поют. В каждом из них раскрывается особый мир, богатый и незабываемый. В совокупности они составляют выдающийся дебютный сборник.

Андреа Барретт

Дорр выступает здесь как свидетель истории — не той истории, что повествует о масштабных событиях и великих людях, а о той, что высвечивает безымян-

ные уголки, из которых и вырастают лучшие рассказы. Это как раз тот редкий случай, когда писатель, не поддаваясь на банальные соблазны, выстраивает незаурядную, сильную и внятную музыку прозы. Попросту говоря, мне давно уже не попадалось ничего лучше этого сборника.

Колум Маккэнн

Энтони Дорр — прекрасный писатель нового поколения. Его рассказы отличаются проникновенной глубиной и вниманием к забытым или вообще не исследованным областям. Эти рассказы не просто описывают красоту — они ее создают.

Рик Басс

Впечатляющий дебютный сборник... При чтении рассказов Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку.

TLS

Дорр создает мистическую атмосферу твердым, рассудительным и изящным слогом. Все рассказы в сборнике объединены общими темами: непростая природа человеческих эмоций, впечатляющая красота окружающего мира и загадочное чудо любви. После того как вы прочтете книгу, ее персонажи еще долго будут являться вам во сне.

Venue

Просто поразительно. Мир природы и мир цивилизации показаны с равным любованием и благоговением.

Том Франклин

На кенийском побережье слепой собиратель ракушек может определить разновидность каждого экземпляра вплоть до мельчайших подробностей, лишь ощупывая их изгибы, узлы и складки. Молоденькая девуш-

ка уверена, что, прикасаясь к только что убитому зверю, может переместиться в сознание животного, посмотреть на мир его глазами. В это же время беженец из Либерии, тщетно бегущий от некоего кошмара, свидетелем которого он стал, обретает покой, самовольно захоронив сердца выброшенных на берег китов. Первая книга Энтони Дорра «Собиратель ракушек» объединяет новеллы, сосредоточенные на отношениях человека и природы, на точках соприкосновения внутреннего мира с внешней средой.

Но поистине необыкновенный заряд придает рассказам Дорра особое место пейзажа в душевных исканиях героев. Здесь метафоричность переходит в область сверхъестественного. В этом не было бы ничего примечательного, если бы не особая поэтичность прозы Дорра. Здесь нет и тени рисовки: так автор проявляет свою щедрость, приобщая читателя к таинственному изысцеству морских ракушек или вихрю осенних листьев.

The Times

Отличные рассказы... Благодаря безупречной классической манере изложения чудеса у Дорра кажутся естественными. Впечатляюще!

Sunday Times

Посвящается Шоне

СОБИРАТЕЛЬ РАКУШЕК

Вычищая у себя на кухне ракушки-блюдечки, коллекционер услышал мотор водного такси, которое приближалось, вероятно, со стороны рифа. От этого звука он содрогнулся: моторка дробила чашечки пальчиковых кораллов и крошечные цилиндры трубчатых кораллов, разрывая цветки и папоротники мягких кораллов, и при этом не щадила раковины: калечила оливки, иглянки, колючие церитиды, нитчатые хидатины и вавилонские турриды.

Кого опять принесла нелегкая?

Он услышал, как зашлепали по воде ноги, как моторка развернулась назад, в Ламу, а затем — негромкий, но настойчивый стук в дверь. Тумаини, его немецкая овчарка, забившись под койку, хрипло заскулила. Оставив блюдечки в мойке, он вытер руки и нехотя пошел встречать незваных гостей.

К нему заявились двое раскормленных журналистов из какого-то нью-йоркского таблоида; оба носили имя Джим. У них были теплые, влажные ладони. Он налил им травяного чая масала.

Газетчики заполонили собой всю кухню. И объяснили, что получили редакционное задание сделать о нем материал, что дольше двух дней не задержатся и хорошо заплатят. Сумма в десять тысяч долларов США наличными устроит? Он вытащил из кармана рубашки раковину, цери-тиду, и начал вертеть ее в пальцах. Журналисты уже расспрашивали о его детстве.

— Вы действительно охотились на оленей карибу? А разве для этого не требуется острое зрение?

Отвечал он без утайки. Ситуация сложилась какая-то дикая, нереальная. Откуда свалились на его голову эти двое, почему они сидели у него за столом и приставали с расспросами, изнемогая от тяжелого запаха разлагающихся моллюсков? Под конец был задан вопрос о конусах и о том, насколько они ядовиты, а еще о том, часто ли к нему наведываются посетители. Насчет сына вопросов не последовало.

Всю ночь стояла духота. Небо за рифом то и дело вспыхивало зарницами и оттого казалось мраморным. Со своей койки он слышал, как журналисты в спальных мешках отбиваются от злобных муравьев кьяфу и чешутся. Перед рассветом он посоветовал обоим вытряхнуть обувь, потому как туда могли заползти скорпионы, и когда парни это сделали, из одного ботинка действительно вывалился скорпион, коротко застрекотал и юркнул под холодильник.

Взяв емкость для сбора морских раковин, коллекционер надел на Тумаини шлейку, пристег-

нул поводок, и собака повела их по тропинке к рифу. Пахло грозой. Журналисты семенили сзади. И были поражены скоростью его хода.

— А что такого?

— Ну, — замялись они, — вы же незрячий. А тропа коварная, всюду колючки торчат.

Из Ламу доносился высокий, сильный голос муэдзина, призывающего на молитву.

— Нынче рамадан, — сообщил коллекционер своим гостям. — Пока солнце находится над горизонтом, принимать пищу нельзя. Люди только пьют чай, а за еду возьмутся позже. Если захотите, можем наведаться в город. Там прямо на улицах будут жарить мясо.

К полудню они добрались вброд до большой подковы рифа. Позади них тихо плескалась лагуна, а впереди простиралось море. Начинался прилив. Тумаини, уже без поводка, стояла на грибовидном камне по брюхо в воде и тяжело дышала. Собиратель ракушек наклонился, его пальцы забегали по песку, затрепетали, раскопали бороздку. Выхватив сломанную раковину, похожую на прялку, он провел ногтем по ее рельефным спиральям и объявил:

— *Fusinus colus!* Длиннохвостый шпиндель!

При подходе волны коллекционер машинально подхватил емкость, чтобы ее не смыло. Как только волна отхлынула, он вновь запустил руки в песок: пальцы зондировали впадину между актиниями, останавливаясь на скоплениях мозгового коралла, и методично преследовали уходящую в песок улитку.

Один из Джимов захватил с собой маску для подводного плавания и теперь смотрел под воду.

— Погляди на этих синих рыб, — выдохнул он. — Надо же, прямо лазурь!

Коллекционер в этот миг размышлял о нечувствительности книдоцитов к условиям внешней среды. Эти стрекательные клетки даже после смерти самого полиподия способны хранить яд: в прошлом году выброшенное на берег щупальце пролежало восемь дней и полностью высохло, но на него наступил деревенский мальчонка — и получил сильнейший отек ног. После укуса рыбы-дракончика у одного мужчины разнесло правую сторону тела, он потерял сознание и сделался темно-лиловым. Когда-то давно от яда бородавчатки пострадал и сам коллекционер: у него сошла вся кожа с пятки, а новая кожа осталась неестественно гладкой и лишилась характерного рисунка. А сколько шипов морского ежа, сломанных, но все еще ядовитых, пришлось извлекать из лап Тумаини? Что будет с этими Джимами, если у них между толстых ног проскользнет желтогубый плоскохвост? А если за шиворот попадет рыба-крылатка?

— Вот то, ради чего вы приехали, — объявил он и вытащил из обваливающейся норки в морском дне улитку конус.

Повернув раковину, коллекционер осторожно держал ее двумя пальцами устьем вниз. Даже сейчас ядовитое жало было готово для атаки. Джимы поразились.

— Так называемый географический конус, — сказал собиратель. — Питается рыбой.

— Вот этот гаденыш трескает рыбу? — не поверил один из журналистов. — Он же меньше моего мизинца...

— Этот моллюск, — пояснил собиратель, опуская ракушку в ведро, — вырабатывает двенадцать сортов яда. Их количества у него в зубах вполне достаточно, чтобы моментально парализовать каждого из вас и утопить на месте.

Все началось, когда на кухне в хижине собирателя ракушек большую малярией буддистку по имени Нэнси, уроженку Сиэтла, ужалил конус. Моллюск прополз от океана под кокосовыми пальмами, через заросли акации, впрыснул порцию яда и повернул к выходу.

Или, быть может, это началось еще до Нэнси, быть может, все выросло из самого коллекционера. Точно так же, как растет раковина, чьи спирали зарождаются изнутри, обволакивая своего хозяина, чтобы противостоять морской стихии.

Джимы не ошиблись: коллекционер в свое время охотился на карибу. В возрасте девяти лет он жил в Уайтхорсе, на севере Канады, и отец в самую ветреную, снежно-слякотную погоду заставлял его высовываться из пузыря вертолетной кабины, чтобы отстреливать больных оленей из винтовки с оптическим прицелом. Через несколько лет у него была диагностирована хероидермия и дегенерация сетчатки; за год зрение

ухудшилось настолько, что он уже практически ничего не видел, кроме очертаний предметов. В двенадцать лет, к тому моменту, как отец сподобился отвезти его за четыре тысячи миль к югу, во Флориду, чтобы показать специалисту, он уже, по сути, стал незрячим.

Офтальмолог понял, что мальчик слеп, как только тот вошел в дверь: одной рукой он цеплялся за ремень отца, а другую вытягивал вперед, чтобы не наткнуться на какое-нибудь препятствие. Вместо осмотра, в котором уже не было смысла, врач провел ребенка к себе в кабинет, снял с него ботинки и вывел через дверь черного хода по песчаной дорожке на мыс. Мальчик никогда не видел моря и теперь изо всех сил старался его почувствовать: сине-зеленые пятна волн и травы, смазанное солнце. Врач дал ему поддержать ламинарию. Это был день настоящих открытий: маленький мечехвостый краб, забравшийся на панцирь крупного собрата, скопление мидий у подножья скалы. Стоя по щиколотку в воде, мальчик нащупал небольшой округлый предмет, размером с фалангу своего большого пальца, если не меньше. Он вцепился в эту ракушку, ощупывая панцирь и отверстие. Никогда еще он не держал в руках ничего столь совершенного.

— Это ципрея-мышь, — сказал доктор. — Прекрасная находка. У нее коричневые пятнышки, а у донца — еще более темные полосы, как у тигра. Но ты этого не видишь, да?

Однако он видел. Явственнее, чем что бы то ни было другое за всю свою мальчишескую жизнь. Его пальцы терли ракушку, переворачивали, крутили. Ему не верилось, что ракушка может быть настолько гладкой. Почти шепотом он спросил: «Кто ее сделал?» Ракушка так и осталась у него в руке, а через неделю отец потребовал ее выбросить, чтобы не воняла.

Его мир в одночасье заполнили раковины, моллюски, конхиология. В Уайтхорсе он за полярную ночь освоил шрифт Брайля, выписал по почте книги о морских ракушках, а с наступлением оттепели стал ворошить валежник в поисках лесных улиток. В шестнадцать лет он влюбился в рифы, прочитав о них в книгах, таких, например, как «Чудеса Большого Барьерного рифа», и навсегда уехал из Уайтхорса: завербовался сначала на одно парусное судно, потом на другое, бороздил тропики — остров Санибел, Сент-Люсия, острова Батан, Коломбо, Бора-Бора, Кэрнс, Момбаса, Мурее. При полной потере зрения. Кожа у него стала бронзовой, волосы выгорели добела. Его пальцы, органы чувств — все его существо было одержимо геометрией экзоскелетов, этих скульптур из кальция, и стремились дознаться, как в ходе эволюции образовались створки, гребни, бисерины, завитки, складки. Любую раковину он распознавал на ощупь; повертев ее в руке и оценив форму, тут же определял вид: анцилла, фикус, теребра. По возвращении во Флориду он выучился на биолога,

а позже защитил диссертацию по малакологии. Он обогнул земной шар по экватору; заплутал на улочках Фиджи; был ограблен в Гуаме, а потом еще раз — на Сейшелах; открыл новые виды двустворчатых моллюсков, новое семейство лопатоногих, новых представителей нассариид и фрагумов.

Когда на его счету было четыре монографии, три собаки-поводыря и один сын по имени Джош, он воспользовался правом досрочного выхода на пенсию, завершил свою преподавательскую деятельность и перебрался в Кению, на отдаленный остров архипелага Ламу, где его домом стала кибанда с соломенной крышей в небольшом морском заповеднике к северу от острова и города Ламу, в ста километрах южнее экватора. Было ему пятьдесят восемь лет. Просто к нему пришло понимание, что малакология не дает ему расти, а лишь ставит все новые и новые вопросы. Он так и не уяснил, в чем эволюционная причина бесконечных вариаций внешнего вида раковин. Откуда у них этот решетчатый орнамент? Откуда эти желобки? Бугорчатые узлы? В конечном счете — и во многих отношениях — неведение обернулось преимуществом: он мог найти раковину, ощупать ее и на каком-то подсознательном уровне решить, зачем ей понадобилось стать такой прекрасной. Этот процесс был для него и огромной радостью, и вечным таинством.

По всему миру каждые шесть часов приливы несут на берег воплощенную красоту, и он полу-

чил возможность при этом присутствовать, поднимать ее с песка, крутить в пальцах. Собирать ракушки, каждая из которых — чудо, знать их по именам, складывать в контейнер — этим была до краев полна его жизнь.

Иногда по утрам, двигаясь вброд через лагуну вслед за Тумаини, он испытывал почти непреодолимое желание поклониться.

Но затем, пару лет назад, в его жизни произошел поворот, неизбежный и непредсказуемый, совсем как отверстие в раковине церитиды. (Проводишь большим пальцем по ее спирали сверху вниз, ощупываешь плоские ребра — и вдруг натыкаешься на рваную дырку.) Было ему тогда шестьдесят три года; он бродил на солнцепеке за кибандой, помедлил, чтобы потрогать большим пальцем ноги выброшенный на берег морской огурец, но Тумаини, пронзительно тявкнув, дернулась в сторону. Собака и привела его к Нэнси: у той был тепловой удар — в сумеречном сознании она металась по пляжу в дорожном костюме цвета хаки, как будто упала с неба, из «боинга» семьсот сорок семь. Он привел ее в хижину и, уложив на свою койку, сталвливать ей в рот теплый чай. Незнакомку бил сильный озноб; коллекционер вызвал по рации доктора Кабиру, который примчался на катере из Ламу.

— Лихорадка, — провозгласил доктор Кабиру и плеснул женщине на грудь морской воды, насквозь промочив блузку и задрызгав пол в хижине.

Когда приступ миновал, доктор отбыл во-свояси, а пациентка двое суток спала как уби-тая. К удивлению коллекционера, никто ее не разыскивал, никто не донимал его по рации, вод-ные такси не привозили в лагуну отряды встре-воженных американских спасателей.

Как только больная очнулась, из нее хлынул словесный поток сугубо личных подробностей и интимных признаний. За полчаса она вполне связно объяснила, как оставила мужа и детей. Как-то раз плавала она голышом на спине в бас-сейне за домом и вдруг поняла, что ее жизнь — двое детей, трехэтажный дом, похожий на готи-ческий замок, «ауди»-универсал — совсем не то, о чем ей мечталось. В единый миг Нэнси бро-сила все. И проездом через Каир познакомилась с необуддистом, который научил ее таким сло-вам, как «внутренний покой» и «равновесие». Она собиралась жить с ним в Танзании, но под-хватила малярию.

— Вот видишь! — Она всплеснула рука-ми. — Теперь я здесь!

Как будто это было предрешиено.

Собиратель раковин выхаживал ее, выслу-шивал, кормил тостами. Каждые три дня у нее случался приступ. Тогда собиратель по примеру доктора Кабиру опускался на колени и обливал ее морской водой.

В промежутках между приступами выгляде-ла она неплохо и продолжала выбалтывать свои тайны. Он по-своему к ней потянулся, не говоря ни слова вслух. В лагуне она окликала его с бе-

рега, и он подплывал к ней ровными саженками, на какие были вполне способны его шестидесятитрехлетние руки. На кухне он даже пытался жарить для нее блинчики, и она, хихикая, заверяла, что это объедение.

И вот однажды ночью она сама пришла и легла на него сверху. Коллекционер еще не успел полностью проснуться, а они уже занимались любовью. Потом он услышал, как она плачет. Но разве близость дает повод для слез?

— Ты скучаешь по детям, — предположил он.

— Нет. — Она уткнулась в подушку, и голос ее зазвучал приглушенно. — Мне они больше не нужны. Мне нужно лишь найти баланс. Равновесие.

— Может, ты скучаешь по своей родне? Это вполне естественно.

Она повернулась к нему:

— Неужели? Сам-то ты не особо скучаешь по родному сыну. Я знаю, от него приходят письма. Но ни разу не видела, чтобы ты писал ответ.

— Пойми, ему уже тридцать, — сказал он. — И я от него не убегал.

— Не убегал? Да ты в триллионах миль от дома! На покой ушел, нечего сказать! Ни пресной воды, ни друзей. И насекомые в ванной кишат.

Он промолчал: за что, собственно, она на него напустилась? И отправился собирать ракушки.

Тумаини была только рада. Дойти до моря, побегать под луной, не слышать этой говоруньи. Он отстегнул шлейку и пошел вброд: овчарка на-

правляла хозяина, тыкаясь носом ему в лодыжки. Ночь стояла дивная, дул прохладный бриз, ноги ласкал теплый прилив. Тумаини поплыла к скалам, и он начал бродить сам по себе, наклоняясь и прощупывая песок. Винтовая улитка, увенчанный нассариус, обрубленный мурекс, полосатая буллия — маленькие скитальцы на утрамбованной течениями песчаной ряби. Оценив красоту раковин, он вернул моллюсков в море. Перед рассветом ему попались два конуса, вид которых он распознать не смог: длиной в три дюйма, злобные, они готовились сожрать рыбупласточку, уже парализованную их ядом.

Через несколько часов, когда солнце стало припекать макушку и плечи, он с улыбкой вернулся в кибанду, где обнаружил, что Нэнси лежит без сознания на его койке. Лоб у нее оказался холодным и влажным. Коллекционер постучал костяшками пальцев по ее груди, но рефлекс не было. Пульс упал до двадцати, а то и восемнадцати ударов в минуту. Пришлось вызывать по радиации доктора Кабиру; тот приехал, опустился на колени рядом с пациенткой и прошептал что-то ей в ухо.

— Непонятное осложнение после малярии, — пробормотал доктор. — Сердцебиение совсем слабое.

Коллекционер метался по хижине, натыкаясь на столы и стулья, которые оставались на привычных местах вот уже десять лет. В кухне он

постоял на коленях, но не для того, чтобы помолиться, а только чтобы успокоиться. Тумаини, взволнованная и растерянная, приняла отчаяние за игривость, бросилась к хозяину и повалила его на кафельный пол. Собака лизала ему щеки, а он кожей почувствовал, что к дверям целенаправленно, хотя и вслепую, по-улиточки медленно ползет конус.

Под микроскопом, как доводилось слышать коллекционеру, зубы некоторых конусов выглядят длинными и острыми, будто крошечные полупрозрачные штыки или острые бивни морского чертика. Хоботок с жалом выскальзывает из сифонального канала, разворачивается, колющие зубы выдвигаются вперед. Яд вызывает у пострадавших онемение, а затем постепенный паралич. Сначала жутко холодеет ладонь, потом предплечье, дальше — плечо. Холод разливается по всей грудной клетке. Пропадает глотательный рефлекс, глаза слепнут. Тело начинает гореть. И человек замерзает насмерть.

— Я бессилен, — признался доктор Кабиру, глядя на улитку. — Ни противоядия, ни какого-либо другого средства не существует. Ничем не могу помочь.

Он завернул Нэнси в одеяло, устроился подле нее в шезлонге, вынул из кармана перочинный ножик и стал есть манго. Коллекционер сварил конус в котелке для чая масала, а потом извлек улитку с помощью стальной иглы. Подержал ра-

ковину в руке, провел пальцами по еще теплым известковым завиткам.

Десять часов бессонницы и неподвижности, закат, пиршество летучих мышей, которые набили животы и с рассветом понеслись к себе в пещеру, — и вдруг Нэнси каким-то чудом пришла в себя.

— Это было самое невероятное приключение за всю мою жизнь! — воскликнула она, глядя ясными глазами на ошеломленного доктора, как будто только что закончила просмотр увлекательного двенадцатичасового мультфильма.

По ее словам, море вокруг нее покрылось льдом, повалил снег, и все это — море, снежинки, замерзшее белое небо — пульсировало, как живое.

— Да, пульсировало! — выкрикнула она, цыкнув разом на потрясенного коллекционера и на доктора. — И до сих пор пульсирует! Тук-тук!

От малярии, заявила Нэнси, она исцелилась полностью, равно как и от горячечного бреда, и теперь обрела равновесие.

— Рано судить, — выговорил коллекционер морских раковин, — ты еще слишком слаба.

Но сам усомнился. От нее пахло по-другому: талой водой, слякотью, почуявшими весну ледниками. Все утро она, визжа, плескалась в лагуне. Умяла целую банку арахисового масла, на пляже сделала гимнастику — высокие махи ногами, наготовила еды и подмела в хижине, распевая высоким, пронзительным голосом песни Нила

Даймонда. Врач, качая головой, отбыл на катере; собиратель ракушек остался сидеть на крыльце, среди шелеста пальм и моря.

В тот вечер его ждал еще один сюрприз: она стала молить о повторной дозе яда. Обещала, что сразу после этого улетит домой, к детям, что с утра пораньше будет звонить мужу и каяться, но вначале должна заново пережить невероятные ощущения, которые подарил ей тот волшебный моллюск. Она стояла на коленях. Лапала его за шорты. Канючила: «Ну пожалуйста». Насколько же изменился ее запах.

Коллекционер не поддался. Без сил, оторопелый, он вызвал водное такси, чтобы отправить ее в Ламу.

Сюрпризы на этом не закончились. Его жизнь стремительно понеслась обратным курсом, как по спирали раковины, в темную, рваную дыру. Не прошло и недели после выздоровления Нэнси, как собиратель раковин вновь услышал за рифом катер доктора Кабиру. Врач явился не один: по кораллам проскрежетали днища четырех или пяти дхоу, из них выпрыгнули пассажиры и зашлепали по воде, чтобы вытащить лодки на берег. Вскоре у него в кибанде уже было не протолкнуться. Чужаки растоптали букцинумы, которые сушились на крыльце, передавили хитонов, лежавших в ванной комнате. Тумаини забилась под койку и положила морду на лапы.

Доктор Кабиру объявил, что к собирателю раковин пожаловал не кто-нибудь, а «муадини»,

СОДЕРЖАНИЕ

СОБИРАТЕЛЬ РАКУШЕК	11
ЖЕНА ОХОТНИКА	56
РЕДКАЯ УДАЧА	102
ИСТОРИЯ ГРИЗЕЛЬДЫ И НЕ ТОЛЬКО	135
ЧЕТВЕРТОЕ ИЮЛЯ	163
СМОТРИТЕЛЬ	185
ЗАПУТАННЫЙ СЛУЧАЙ НА РЕКЕ РАПИД	247
МКОНДО	262
Благодарности	313
Примечания. <i>Е. Петрова</i>	314

Дорр Э.

Д 69 Собиранель ракушек : роман / Энтони Дорр ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-10003-9

Впервые на русском — дебютная книга Энтони Дорра, автора поразительного международного бестселлера «Весь невидимый нам свет». Восемь трогательных, поэтичных историй о вечных и неразрешимых проблемах, о бескрайней природе и месте человека в ней, о непостижимости любви и невыносимости утраты. Здесь слепой собиранель ракушек может определить разновидность каждого экземпляра с абсолютной точностью, лишь ощупывая их изгибы, узлы и складки; здесь молодая девушка, дотронувшись до залегшего в спячку медведя, может ощутить, что ему снится; здесь палеонтолог учится бегать по Африке, чтобы догнать дикарку своей мечты.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ДОРР
СОБИРАТЕЛЬ РАКУШЕК

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.10.2015. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,6.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YABA1803002R